

Кратко: приезд Мандельштама в квартиру Цветаевой, там разговор с ней, а дети его подслушивают под видом работников.

Ввод: С Осипом Мандельштамом мы впервые познакомились тогда же, когда и с Сережей на даче у Волошина, но в тот момент мы совсем не обратили друг на друга внимания помню, что я шла к морю, он с моря. В калитке Волошинского сада – разминулись. Но в мой последний приезд Петрограде в январе, мы с ним смогли пообщаться поближе. Мандельштам тогда подарил мне свою книгу стихов «Камень». Поэзию Мандельштама я всегда ценила высоко, видела в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность и хаотичность мысли». Он пленил меня своей высокой степенью словесного совершенства. «Если существует Бог поэзии - то Мандельштам - его гонец. Он доносит до людей божественный голос точным и чистым». Он очень увлекся мною, как и я им, хотя, возможно, ему показалось обратное.

Никто ничего не отнял!

Мне сладостно, что мы врозь.

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,

Мой голос впервые — тих.

Что Вам, молодой Державин,

Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:

Лети, молодой орел!

Ты солнце стерпел, не щурясь, —

Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней

Никто не глядел Вам вслед...

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих лет.

Дети: у Цветаевой - работники её дома, у Мандельштама - его друзья, которые приехали с ним.

Дальше это всё - диалоги ОМ и МЦ, а дети прислуга в доме, но им очень интересно, поэтому они убираются, готовят, выполняют какие-то поручения МЦ или ОМ. Всё время находятся в комнате, занимаясь каким-то делом прислуги.

Мир: всё начинается с того, что Марина говорит, что хочет начать писать. Тут просит работников снова подготовить ей рабочее место (надемся, что по памяти, но если нет, то она им говорит), во время этой подготовки в дверь кто-то стучится. Она просит кого-то из детей открыть дверь.

ОМ: Поэт Осип Мандельштам. Петербургский знакомый Марины Ивановны...

МЦ: Кто там пришел?

Кто-то из детей передает, что это Осип.

МЦ встаёт и подходит к нему.

ОМ: Здравствуйте. Можно пройти?

МЦ: Осип, здравствуй. *протягивает ему руку на поцелуй*

ОМ целует руку!

МЦ: Я часто о вас думала. Ваши стихи это что-то потрясающее. Я искренне считаю вас гением.

ОМ: Это очень приятно слышать, я думал, что Вы уже и забыли меня. Боялся, что встреча в Петрограде не осталась в вашей памяти.

МЦ: Что ж мы стоим, давайте пройдем на кухню, выпьем кофе. *\Детям*, подготовьте всё для нас, пожалуйста. Кофе, булочки, масло и варенье. *\дети делают бутеры*

ОМ: Я никогда еще не видел такого интересного дома — он похож на шкатулку с секретом.

МЦ: Да, это так. Потому мы сюда и перебрались. Квартира и в самом деле необыкновенная. Вы заметили, сколько здесь этажей?

ОМ: — Ну конечно. В вашем доме два этажа.

МЦ: — Так кажется, если глядеть на него с улицы. Квартира трехэтажная — вот вам первый секрет нашей шкатулки. А ведь есть и другие... Я влюблена в этот дом и никуда отсюда не уеду. Я переехала сюда с мужем Сергеем Эфроном переехали два года тому назад. Дом мне сразу понравился: у одной из комнат был выход на плоскую крышу, в потолке другой — окно, еще тут были интересные узкие лесенки. Сергей хотел присмотреть квартиру побольше, в современном доходном доме: они могли позволить себе многое. Но я решила, что жить надо здесь, а он привык меня слушаться. Особнячок, который нам подарили к свадьбе, мы сдали. Его арендовала частная психиатрическая лечебница, моя родня решила, что это дурной знак. Тот дом был очень уютный, напоминал особнячок в Трехпрудном, где много лет жило семейство Цветаевых... Но я грустила только о лохматом дворовом псе Османе: я очень любила собак, а с домами и вещами расставалась без сожаления.

ОМ: Да, я тоже очень сильно люблю собак...

МЦ: Кажется это единственная вещь в которой мы с вами схожи

ОМ: Да, вы правы. Ведь я сын порвавшего с общиной мелкого купца-еврея, мастераперчаточника, несостоявшегося раввина... А вы Дочь создателя и пожизненного почетного опекуна московского музея изящных искусств имени Александра III, будущего Пушкинского, знаменитого ученого, профессора Московского университета, знатока античности... В руки моего отца навеки вьелась черная краска от кож, с которыми он работал, русский царь не стал бы с ним разговаривать ни при каких обстоятельствах — а Иван Владимирович Цветаев, ваш отец, был представлен императору.

МЦ: Это, наверное, не столь важно. Хотя и детство наше прошло по-разному. Я много путешествовала...

ОМ: Я тоже, только качество этих путешествий у меня совсем другое.

МЦ: Да, я прекрасно понимаю. А почему вы сейчас не на фронте?

ОМ: Изначально я рвался, но по здоровью не подошел, хотя сейчас даже смешно вспоминать мои порывы.

МЦ: А мой муж Серёжа сейчас там.

ОМ: Ваш муж...

МЦ: Да, Сергей Эфрон. Он тоже был на даче у Макса. Вы не помните?

ОМ: Немного припоминаю...

МЦ: Что вы так смутились...

ОМ: Да так, ничего.

МЦ: А почему вы вообще оказались в Москве?

ОМ: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

МЦ: Конечно, с удовольствием. Я люблю Москву и готова вам показать и рассказать о ней. Может сейчас прогуляемся?

ОМ: Хорошо. Только я же приехал не один, так что придется идти всем вместе.

МЦ: Ничего страшного, будет большая экскурсия.

одеваются и идут гулять

ОМ: Марина, я должна вам признаться. Я приехал сюда не ради Москвы, а ради вас. Тогда в Петрограде вы... вы очаровали меня. Я не мог вам этого сказать, ведь у вас есть муж. Но я невероятно влюблен в вас. Вы не представляете как хорошо бродить по чужому городу с женщиной, в которую влюблен, — очаровательной, близкой и в то же время недоступной. Это хмелит сильнее вина, кружит голову больше, чем опиум.

МЦ: Мне лестно ваше внимание. Невероятно приятно слышать такое признание от человека, которого я считаю настоящим гением. После нашей встречи я написала кое-что...

*Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем — взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!*

*Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь — перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.*

*Серебряный клич — звонок.
Серебряно мне — петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?*

*Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.*

ОМ: Марина! Как это прекрасно! Вы настоящий гений! Я тоже писал...

*В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.
И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.*

МЦ: Знаете, Москва не та, что несколько лет назад: в войну город изменился. На улицах появилось много солдат из запасных полков, в трамваях толкались локтями злые на весь мир заводские рабочие и эвакуированные из западных губерний. Стало больше грубости и грязи, в воздухе витало ожидание чего-то дурного.

ОМ: Я всё равно очарован городом, мне кажется, что тут еще жива настоящая, допетровская, нутряная Россия. Боюсь, что мне пора возвращаться в Петроград. Марина, я буду скучать... Прощайте, я приеду еще! Мы еще увидимся!

Они расходятся, МЦ возвращается домой.

Вывод: Он вернулся в Петроград — и снова появился в Москве: его поездки продолжались вплоть до июня. Осип метался между двумя городами, и это сильно обременяло его кошелек. Так продолжалось до лета — в июне он навестил меня под Москвой, в Александрове, я жила там с дочкой Ариадной и сыном сестры Андрюшей.

Мандельштам приехал в Александров для последнего, решительного объяснения. Он был измотан тем, что происходило между нами в последние месяцы, а я относилась к нему с большой теплотой, но без всякого надрыва. Когда он приехал, ему предложили прогуляться, но Мандельштам лег отсыпаться. Он попытался было сесть в единственное кресло, но оно предназначалось цветаевскому племяннику Андрюше, других в него не пускали. Попросил шоколада — единственная плитка оказалась детской. Но это еще можно выдержать, куда хуже была неопределенность в отношениях. Осипа томило скверное предчувствие. Его любовные дела между тем шли

на лад: в Александрове он впервые поцеловал меня — еще недавно, в Петербурге, Мандельштам был бы на седьмом небе от счастья. Но теперь это выглядело по-другому: маленький домик, овраги, черемуха, бабы, с воем провожающие на фронт новобранцев, плац, где солдаты кололи штыками соломенные чучела, няня маленького Андрюши с глазами как у волка и волчьим же оскалом, торчащие из земли иконы, страшная монашка, бык, я, ни с того ни с сего подпустившая его к себе... Александров все больше казался ему каким-то жутким, зачарованным местом, откуда хотелось бежать. Он не думал о том, что здешняя жизнь могла успеть надоесть мне, что это его шанс, которого больше может не представиться. Мандельштам поступил так: сказал, что уезжает в Коктебель, к поэту Волошину. Мы всей семьей проводили его на вокзал. Он хотел мне в очередной раз признаться в любви, но громкий звонок поезда не дал ему сделать этого. Я побежала было за вагоном, но остановилась у края платформы. До меня долетел крик машущего обеими руками Мандельштама:

— Мне так не хочется в Крым!

Этим все и кончилось. Позже, в Коктебеле, я просила друзей не оставлять ее наедине с Мандельштамом — бегства из Александрова я ему не простила.

*Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!*

*Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.*

*Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая твоя верста...—*

*Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика,—
Десятилетнего я чту.*

*Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...*

*Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!*